

Ходоренко А. В.,

доктор філологічних наук,

доцент кафедри перекладу і лінгвістическої підготовки іноземців
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ НАРРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье в общих чертах затронуты проблемы современной теории нарративных исследований, предложен материал для практического анализа нарратива с позиций и методов нарративных исследований. Выделены признаки нарратива. Приведены примеры анализа нарратива на примере сравнительной парадигмы англоязычной нарративной единицы и русского перевода.

Ключевые слова: нарратив, нарративные исследования, теория нарратива, единица нарративного дискурса, модальность.

Постановка проблемы. В статье в общем виде ставится проблема исследований нарратива, выделения его характеристик в парадигме современной теории нарративных исследований и в лингвистическом аспекте освещения. Материалом для практического анализа нарратива с позиций и методов нарративных исследований выбраны риторические тексты политиков, в частности предвыборная речь Б. Обамы. **Целью** статьи, продиктованной научно-практическими заданиями когнитивного выражения языковой личности, современной когнитивной и нарративной лингвистики, является выделение характеристик нарратива в процессе его лингвистического анализа на примере сравнительной парадигмы англоязычной нарративной единицы и русского перевода фактического материала исследования (предвыборной речи Б. Обамы). Задачами для достижения поставленной цели являются уточнение термина и дефиниции нарратива в парадигме современных исследований.

Нарратив и предшествующие теории нарратива течения формировались в разное время и разными научными школами и нашли отражение в *современных публикациях* [2–10]. Научный голод современной мысли определяет поиск подходов, а также постоянного поиска смысла того, что мы делаем в науке. В статье Д. Солиса «The Crisis of Personhood: Why We Need to Broaden Our View» читаем о необходимости работы во имя будущего блага. Мысль не нова, но особенностью явилось то, что отличает нашу научную школу от западной (до сих пор еще отличает на мой взгляд), простотой изложения и признанием неизбежности недостижения целей, но поиском идей, осознанием их ценности для науки и общества в целом [7].

Возможно этим обоснован «нарративный поворот» в науке, поворот в отношении к действительности, концептуально другим взглядом на реальность, видения себя в реальности. Путь познания, предположительно, лежит через нарратив – хроникальное автобиографическое повествование, которое мы определяем как единицу

эмоционального интеллекта, а также как единицу фроне-зиса [1, с. 132].

М. Крейсморфт в статье «Trusting the Tale: Narrativist Turn in the Human Sciences» утверждает, что «нарратив – это область кросс-дисциплинарных взаимодействий и медиаций, которая собирает воедино все, что имеет отношение к нарративу в самых разных науках (филологии, историографии, психоанализе, философии, экономике и так далее), рассматривает его одновременно как предмет (форму письменного или устного дискурса) и как инструмент познания (например, нарративистское прочтение некоторых философских теорий), описывает сложную конфигурацию нарративного поворота, включающую множество «разнообразных троп» [2]. Современные исследователи спорят о схожести нарратива и психоанализа, однако сходятся в том, что общее заключается в повышенном интересе к человеку, его мыслям о себе, его заключений о себе, о правильности поступков и того, что по их мнению правильно или неправильно делать, некоему фроне-зису Аристотеля, изложенному по-новому.

Метафора «нарративного поворота», «близка к лакатосовской идее конкуренции научно-исследовательских программ, поскольку брендинг нового научного направления в качестве «поворота» обеспечивает ему неплохие шансы в том трансцендентальном полемосе, в который волей-неволей втянуто институционально оформленное научное мышление» [2].

В. Фишер предложил термин «нарративная парадигма». Он пояснил, что имеет в виду не ту или иную дисциплинарную парадигму, например социологическую, а как бы «метaparadигму» как пограничную область, в которой встречаются различные гуманитарные науки [3]. Тем самым он нисколько не стремится отрицать «существование или желательность существования частных жанров дискурса... Нарративная парадигма не отрицает полезность осознания различий между макроформами дискурса – философией, риторикой, поэтикой и т. д. – или микроформами дискурса – мифами, метафорами, аргументами и т. д.» [6]. В. Фишер перевел понятие парадигмы из плоскости методологии науки в плоскость практической теории коммуникации (в том числе научной) и коммуникативной этики, содержащих к тому же явные антропологические импликации, в плоскость фроне-зиса, помогающего в итоге принимать правильные решения. Нарративная парадигма, с его точки зрения, основана на так называемой нарративной рациональности, по контрасту с ковенциональной моделью формальной рациональности, которая, как предполагается, должна управлять человеческим общением [6]. Нарративная ра-

циональность, по мнению В. Фишера, включает нарративную вероятность (согласованность и связность истории) и нарративную верность (наличие в рассказе good reasons для доверия к нему, то есть «веских причин» или «достаточных оснований»). Эти фишеровские неформально-логические характеристики нарратива можно смело добавлять к многочисленным дискуссиям о критериях нарратива, которые ведут представители классической нарратологии [2].

Эпистемологические основания нарративизма и научная интуиция подталкивает к исследованию той области коммуникативного материала, о которой говорит В. Фишер, области «практической теории коммуникации (в том числе научной) и коммуникативной этики, содержащих антропологические импликации, плоскость фронезиса, помогающего принимать правильные решения.

В медицине, в социологии или исторической науке личная история (рассказа о самом себе), а также признание смысла нарратива как рассказа о себе – это не только живая история, не только гуманистический путь к public history, например, это еще и особая этика, опыт выслушивания частного лица, затерянного на безличных исторических просторах, это способ, каким это частное лицо может быть узнано, признано, может, наконец, найти [3].

Мы взяли единицу нарративного дискурса и сделали его лингвистический анализ с точки зрения использования в нем нарративных элементов, говоря проще – единиц модальности, делающих из нейтрального текста нарратив, отличающих его этим самым.

По нашим предположениям, нарратив – это всегда коммуникативно успешное риторическое языковое целое, с наличием рема-тематических отношений, новизной, эмоциональной насыщенностью, наличием единиц А-экспрессии, а также высокими показателями психолингвистических коэффициентов. Такие образования должны демонстрировать ярко-выраженный эмоциональный интеллект («способность человека осознавать эмоции, достигать и генерировать их так, чтобы содействовать мышлению, пониманию эмоций и того, что они означают и, соответственно управлять ими таким образом» [5].

Для анализа мы приводим речь Б. Обамы (Democratic National Convention, 2004 г.):

«My parents shared not only an improbable love; they shared an abiding faith in the possibilities of this nation. They would give me an African name, Barack, or “blessed”, believing that in a tolerant America your name is no barrier to success. They imagined me going to the best schools in the land, even though they weren't rich, because in a generous America you don't have to be rich to achieve your potential. They are both passed away now. Yet, I know that, on this night, they look down on me with pride».

Мои родители не только невероятно любили друг друга; они твердо верили в возможности этой страны. Они дали мне африканское имя Барак, или «Благословенный», полагая, что в толерантной Америке имя не является препятствием к успеху. Не будучи богатыми они хотели, чтобы я учился в одной из лучших школ в стране, потому что верили в то, что в щедрой Америке не нужно быть богатым, чтобы реализовать себя. Их уже нет в живых, тем не менее я знаю, что в эту ночь они смотрят на меня с гордостью.

Приведём выделенные нами четыре признака, характеризующие нарратив.

1. Событийность, выраженная глагольными формами простого прошедшего *«shared imagined weren't rich»*, а также формы *«would»* с инфинитивом в значении выражения действия в прошлом *«would give me an African name»*, отметим, что такая форма носит модальность, интенсифицируя значение сказанного, реализуя при этом потенциал претерито-презентного глагола *«will-would»*, в значения которого входит семантические дериваты волеизъявления, воли, желания и его реализации.

2. Завершенность, темпоральность (историйность) выражена в автобиографическом отрезке детских воспоминаний.

3. Хронологическая последовательность истории, причинно-следственная связь событий: *«Мои родители невероятно любили друг друга; они твердо верили в возможности этой страны, <...> дали мне африканское имя Барак, или «Благословенный». Не будучи богатыми, они хотели, чтобы я учился в одной из лучших школ в стране, потому что верили».*

4. Реализация функции установления причинно-следственной связи, коммуникативный «мост», «итог» вышеизложенного: *«Их уже нет в живых, тем не менее, я знаю, что в эту ночь они смотрят на меня с гордостью».*

Эпоха массового тиражирования визуальных образов, абсолютной демократизации их производства и потребления, их влияния на самые разные сферы индивидуальной жизни сродни невероятной демократизации нарративов, заполнения повседневного культурного контента, прежде всего медийного, индивидуальными повествованиями, в том числе бесчисленными автонарративами [2]. Нарративный разум, о котором писал Х. Ортега-и-Гассет в работе «История как система» еще в 1955 г. как о разуме, наиболее адекватном гуманитарным наукам, поскольку они заняты постижением изменчивого и свободного человеческого существования, в нынешнюю эпоху, в эпоху после распада больших нарративов, превратился в безразмерную и неконтролируемую массу микронарративов, пролиферация которых идет тем быстрее, чем больше появляется для этих целей подручных, технических средств. Термин Ж. Бодрийера «экстаз рассказа» функционально определяет компоненты нарратива, а именно: «Narrago, ergo sum, повествую, следовательно, есть», а также нарративную интенсивность, при которой «тебя хотят слушать» [3].

Выводы. Таким образом, выводами к настоящей статье являются нижеследующие заключения. В нарративе в лингвистическом аспекте его анализа выделены рема-тематические отношения, новизна идеи, эмоциональная насыщенность, наличие единиц А-экспрессии, высокие показатели психолингвистических коэффициентов, предположительно демонстрирующие эмоциональный интеллект языковой личности «способность человека осознавать эмоции, генерировать их для содействия мышлению, в языковой нарратив – фронезис. Последний, определенный изначально как суждение, способствующее действию по поводу ценностей и сущностей вещей и некий «экстаз рассказа», в нашей экспликации приобретает характеристики *эффективного высказывания*, в котором единицы

модальности демонстрируют особую важность в процессе познания через «нарративный поворот» в науке, поворот в отношении к действительности, новым взглядом на реальность через видения себя в реальности. *Перспективной* исследований есть анализ языкового пути познания, через нарратив – хроникальное автобиографическое повествование, единицу эмоционального интеллекта, единицу фронезиса, а также уточнение составляющих термина и дефиниции нарратива.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Наука, 1978– . – Т. 2. – 1978. – 524 с.
2. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума [Электронный ресурс] / В.Л. Лехциер. – Режим доступа : <http://www.culturalnet.ru/main/person/830>.
3. Лехциер В.Л. Экстаз рассказа: о судьбах повествований до и после иконического поворота / В.Л. Лехциер. – Режим доступа : <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/117/ekstaz-rasskaza-osudbakh-povestvovani-i-do-i-posle-ikonicheskogo-povorota> 20.
4. Dijk T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. van Dijk. – Hague : Springer, 1981. – 331 p.
5. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ / D. Goleman. – Hague : Springer, 1996. – P. 56.
6. Fisher W.R. The Narrative Paradigm: An elaboration / W.R. Fisher // Communication Monographs. – Hague : Springer, 1985. – P. 347.
7. Solies D. The Crisis of Personhood: Why We Need to Broaden Our View / D. Solies. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vimeo.com/metanexus>.
8. Taine H. Formation de sa pensée / H. Taine. – P., 1932. – 305 p.
9. Verschueren J. Metapragmatics and universals of linguistic action / J. Verschueren // Linguistic action: Some empirical-conceptual studies / Ed. by Verschueren J. – Norwood (N.J.), 1987. – 140 p.

10. Way E.C. Knowledge representation and metaphor / E.C. Way . – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. – 313 p.

Ходоренко Г. В. Загальні питання нарративних досліджень. Лінгвістичний аспект

Анотація. У статті в загальних рисах порушені проблеми сучасної теорії нарративних досліджень, запропонований матеріал для практичного аналізу нарративу з позицій і методів нарративних досліджень. Окреслено особливі риси нарратива, що його відрізняють. Наведено приклади аналізу нарративу на прикладі порівняльної парадигми англійської нарративної одиниці та російського перекладу.

Ключові слова: нарратив, нарративні дослідження, теорія нарративу, одиниця нарративного дискурсу, модальність.

Khodorenko A. Common questions of narrative research. Linguistic aspect

Summary. The paper outlines the problems affected by the modern theory of narrative studies. We suggested linguistic material for practical analysis of the narrative from the perspective of narrative techniques and research. Traits of narrative have been featured. The analysis of English-language narrative and its equivalent russian translation has been made in the framework of comparative narrative paradigm.

Key words: narrative, narrative research, theory of narrative, unit of narrative discourse modality.